

Древности Бенина, III

(Условные значки и рисунки на бенинских бивнях).

Д. А. Ольдерогге

I

В своем монументальном труде, посвященном описанию бенинских древностей, Лушан делит бенинские резные слоновые бивни на две группы.¹ К первой из них он относит большие бивни, сплошь покрытые резными изображениями, ко второй — бивни, гладкая поверхность которых лишь в нескольких местах перехвачена резными кольцами, изображающими плетенку. По данным Лушана, бивни второй группы являются более редкими. В коллекциях Музея антропологии и этнографии имеется два бивня. Один из них (№ 595-32), сплошь покрытый резными изображениями, уже был описан.² Другой бивень (№ 595-33) относится ко второй группе (рис. 1). Покрытый патиной темнокоричневого цвета, бивень этот является прекрасным образцом старинного бенинского искусства. Совершенно гладкий, он перехвачен семью широкими кольцами. Резная плетенка колец нашего бивня в точности совпадает с изображениями плетенки на многих резных бивнях Берлинского музея народоведения.³

Характерную черту этих бивней составляют изображения, помещенные между кольцами по главной оси бивня, т. е. посредине обращенной к зрителю выгнутой стороны бивня.⁴

На бивне № 595-33 в интервалах между кольцами мы видим своеобразные знаки, которые в литературе издавна принято считать знаком царской собственности, как бы царской тамгой (рис. 2). Такого рода тамги встречаются нередко и на других бивнях. Так, например, мы видим аналогичные изображения на бивнях L, табл. 115, C, F, G, I (рис. 2, б—д), но следует отметить, что знаков этих на бивнях первой группы никогда не

¹ F. L u s c h a n. Die Altertümer von Benin. Veröffentlichungen aus dem Museum für Völkerkunde, Bd. VIII. Berlin, 1919 (в дальнейшем: L).

² Д. А. Ольдерогге. Древности Бенина, II. Сб. МАЭ, т. XVI, 1955, стр. 283—307 (в дальнейшем: Ольд., II).

³ L, табл. 113, B, C, E, и H; 115, B, C, F, G и I. Следует заметить, что на бивнях первой группы, т. е. с изображением церемоний *угизэ*, встречается иногда особый тип плетенки (например, L, табл. 113, A и C), однако на резных бивнях второй группы плетенка всегда трактуется одинаково и отклонений от традиционного изображения не встречается. Я имею в виду бивни хорошей работы. Иной характер имеет плетенка на бивнях у L, табл. 115, D, E, H, изображения на которых весьма грубой работы. Бивень E на той же таблице вообще не имеет резных колец.

⁴ Ольд., II, рис. 1 (схема положения бивня).

встречается. Кроме царской тамги, на бивнях второй группы встречаются также изображения мечей *эбере* (L, табл. 115, C, D, E, H) или мечей *ада* (рис. 3, 4; L, табл. 115, C, E, H); о значении церемониальных мечей

в иерархии вельмож Древнего Бенина уже приходилось говорить.¹ Мечи *эбере* представляют собой церемониальное оружие, их носят в качестве знаков достоинства во время торжественных выходов царя и главнейших сановников государства. Мечи *ада* — боевое оружие и тоже связаны с определенными рангами военачальников. Изображения мечей на резных бивнях, очевидно, указывают на ранг их владельца.

Значительно интереснее знак царской тамги. Рассмотрение изображений берлинских бивней в исследовании Лушана, хотя и недостаточно ясных, все же дает право заключить, что знак этот встречается только на старинных бивнях хорошей работы, к числу которых относится и наш бивень. Напротив, на бивнях более позднего времени знак этот отсутствует, и вместо него на одном бивне (L, табл. 115, K) мы видим грубо выцарапанную восьмерку (рис. 5), а на другом (L, табл. 115, D) рельефное изображение креста (рис. 6). Возможно, что эти изображения, поставленные на месте знака царской тамги, заменяют ее и являются ее поздними видоизмененными формами.

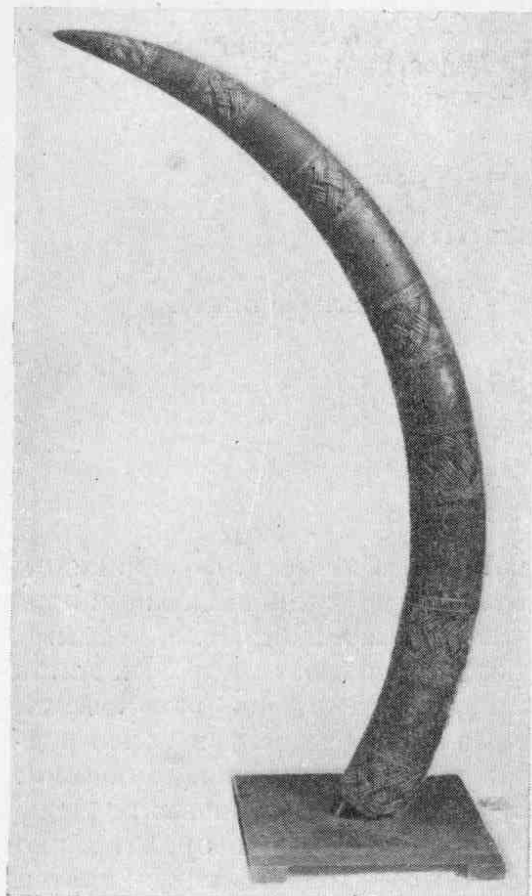

Рис. 1. Слоновый бивень. (МАЭ, колл. № 595-33).

Интересен бивень L, табл. 115, H, где вместо этих знаков мы видим изображение рыбы — сома (рис. 7).

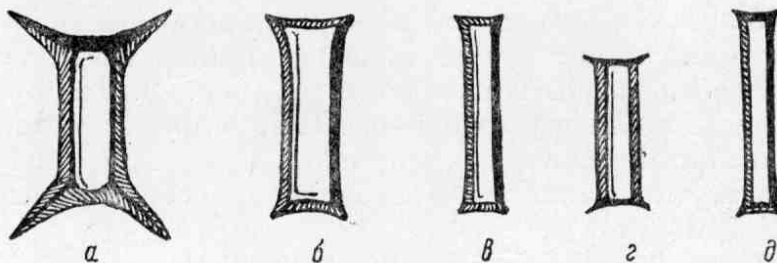

Рис. 2. Изображения царской тамги на бивнях.

a — МАЭ, колл. № 595-33; б—д — Берлинский музей народоведения (по Лушану).

Как известно, царь Бенина *оба* является воплощением бога моря Олокуна и нередко на резных бивнях изображается в фантастическом облике —

¹ Д. А. Ольдерогге. Древности Бенина в собраниях Музея антропологии и этнографии. Сб. МАЭ, т. XV, 1954, стр. 371.

с рыбьим хвостом и головой сома. Это дает право заключить, что в данном случае рыба является символическим изображением самого царя и указывает на принадлежность бивня царскому дворцу.

Таким образом, на бивнях второй группы обычно изображаются условные значки, смысл которых, очевидно, был понятен определенному кругу лиц, и каждый из них, повидимому, имел свое значение. Подобные изо-

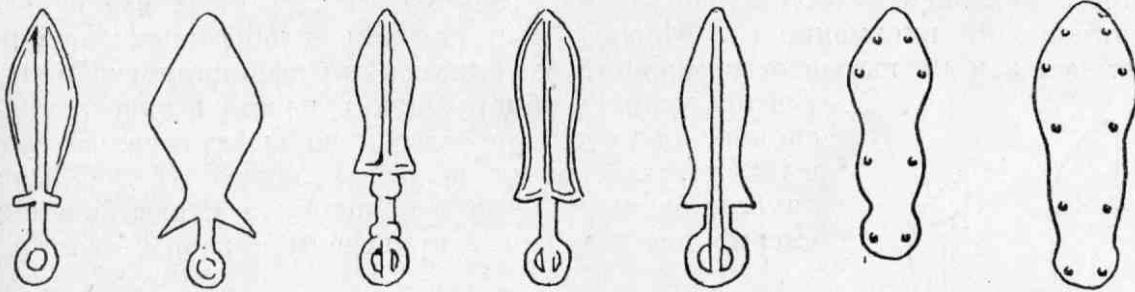

Рис. 3. Изображение мечей *эбере* на берлинских бивнях.

бражения часто встречаются на бронзовых изделиях Бенина: на ободках больших бронзовых голов, на подставках литых бронзовых алтарей с изображениями сцен выхода царя и царицы в окружении придворных и т. п., где по краям идут целые ряды фигурок имевших какое-то условное значение.

Возникает вопрос, не представляют ли собой эти загадочные изображения зачатков письменности, первые подходы к созданию системы письма.

Надо сказать что до сих пор на все эти условные изображения не обращали должного внимания. Между тем, было бы естественно ожидать, что в бенинском государстве могли существовать зачатки письма. Это предположение тем более возможно, что как раз на побережье Верхней Гвинеи в Либерии уже в начале XIX в. возникла система письма у народа ваи, а в начале XX в. в непосредственном соседстве с Бенином у народности ибо была обнаружена издревле существовавшая там система значков *нсибиди*. И, однако, никто еще не поставил вопроса о возможности существования в пределах государств Ашанти, у эве, в Дагомее, в Древнем Бенине, зачатков письма.

II

Проблема происхождения системы письменности ваи еще недавно казалась совершенно неясной. Крупнейшие специалисты по истории западного Судана М. Делафосс, Миджод и исследователь Либерии Г. Г. Джонстон доказывали иноземное происхождение этой письменности.¹ Делафосс приписывал ее арабскому влиянию, а Миджод и Джонстон — европейскому. Весь этот спор, затеянный почти пятьдесят лет после открытия письменности ваи, был весьма характерен. Единодушно признавая невозможность изобретения ее самими ваи, исследователи спорили лишь о путях заимствования.

Между тем, Кёлле, обнаруживший в 1849 г. у ваи письменность, в отчете о своем путешествии в Либерию² совершенно определенно писал о происхождении письма и опубликовал даже записанный им на языке ваи текст, где рассказывается история изобретения письма ваи неким

¹ M. D e l a f o s s e. Les Vai, leur langue et leur systeme d'acriture. L'Anthropologie, t. X, 1899, стр. 129—151, 294—314. — H. H. J o h n s t o n. Liberia, t. II. London, 1906, стр. 1007—1135. — F. H. M i g e o d. The syllabic writing of the Vai People. Journ. of the African Soc., v. IX, № 33, Oct. 1909, стр. 45—58.

² Историю эту приводит Штейнталь в своем исследовании об языках Манде: H. S t e i n t h a l. Die Mande-Neger-Sprachen. Berlin, 1867, стр. 259—260.

Момолу Доалу Букеле. Кёлле посетил страну вай через 15 лет после изобретения письменности «В настоящее время, — пишет он, — кажется, что в Бандакоро все взрослые люди мужчины более или менее могут читать и писать, а в других селениях (towns) вай по меньшей мере всегда есть несколько мужчин, которые могут читать свое туземное письмо».¹ Очевидно, история изобретения письменности позднейшим исследователям показалась недостоверной и они предпочли искать иных путей возникновения письменности. Между тем, история изобретения письма самими вай не вызывает сомнений. Американскому африканисту Орику Бейтсу удалось обнаружить в издании одного миссионерского общества, выходившем в Бостоне, что еще в 1834 г., т. е. почти за десять лет до Кёлле, были опубликованы первые сообщения о существовании письменности у вай и приведены образцы текстов.

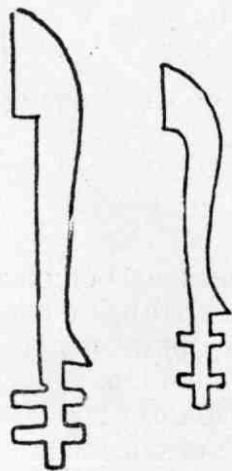

Рис. 4. Изображение мечей *ада* на берлинских бивнях.

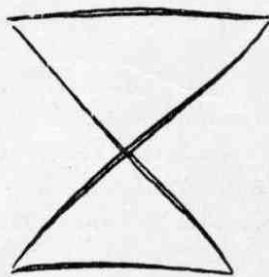

Рис. 5. Изображение царской тамги на берлинском бивне III С 7650.

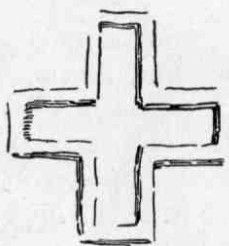

Рис. 6. Изображение креста на берлинском бивне III С 7648.

Рис. 7. Изображение рыбы на берлинском бивне III С 12603.

В сообщениях этих указывается, что год тому назад, т. е. в 1833 г., некоторые лица из числа вай занялись разработкой письменности для своих языков, и «хотя изобретение сделано не более года тому назад, вай уже написали очень многое («have already written volumes»)».²

Столь быстрое распространение письменности показывает, что предпосылки к ее созданию давно уже существовали. В основе ее должны были лежать значки пиктографического характера, которые были лишь упорядочены создателями письменности. Дело Момолу Доалу Букеле и его помощников заключалось в отборе значков и придании им стройного порядка. Несомненно они знали о существовании арабского алфавита и были знакомы, кроме того, с английским письмом, тем более, что к этим годам относится переселение освобожденных негров из южных штатов в Либерию. Момолу Массаква, местный уроженец, бывший либерийским консулом в Англии, в статье своей о народе вай и его письменности указывает на существование старинных форм пиктографических значков, из которых позднее развились силлабические письмена.³

¹ S. W. Koelle. Narrative of expedition into the Vy country of West Africa and the discovery of a system of syllabic writing recently invented by the natives of the Vy Tribe. London, 1849. Цит. по: O. Bates. The origin of the Vai syllabary. Harvard African Studies I (Varia Africana I), Cambridge, Mass, 1917, стр. 290—292. Об этом см. также: S. W. Koelle. Outlines of a Grammar of the Vei Language. London, 1854, Appendix, стр. 229—256; E. Norris. Notes on the Vei language and alphabet. Journ. R. Geogr. Soc., v. 20, 1850, стр. 101—113.

² O. Bates, ук. соч., стр. 290—292.

³ Momolu Massaquoi. The Vai People and their syllabic Writing. Journ. of the African Soc., v. X, № 40, July 1911, стр. 459—466 и таблица.

Вопрос о местном происхождении письменности ваи был окончательно решен Клинггенхебеном, изучавшим языки манде.¹ Занимаясь системой письменности ваи, он обнаружил, что в ней весьма точно отражена фонетическая структура языка, а именно: в ней различаются два вида *b*, два вида *d*, отмечается назализация гласных и существуют особые значки для лабио-велярных звуков. Таким образом, письмо ваи приспособлено для передачи фонетических особенностей языка и учитывает его фонемы. Уже это одно показывает, что оно могло быть изобретено только местными уроженцами.

Следует отметить, что научное изучение языка ваи началось относительно недавно и особенности звуковой системы этого языка выяснены были лишь Клинггенхебеном. Изучая язык ваи, он имел возможность лично расспросить консула Массаква и узнать от него подробности о характере древних пиктографических значков ваи. В условиях девственного леса и сильных тропических дождей значки эти не могли сохраниться. Ваи никогда не высекали их на камнях, а пользовались обычно изображениями на коре дерева. По словам Массаква, при помощи значков пиктографического характера ваи могли передавать сообщения о внезапном нападении врагов и тому подобных неожиданных событиях. Например, если необходимо было сообщить, что враг разбит и бежал, изображали для обозначения множества фигуру бегущего человека, прикрывающего руками голову, и рядом ставили точки. Такого рода значки послужили основанием для создания силлабического письма. В основе силлабических значков ваи лежат изображения пиктографического характера. «Изобретатель» письменности Момолу Дувалу Букеле и его помощники, очевидно, лишь упорядочили характер значков, придав всей системе стройный характер.

Силлабическая письменность ваи оказала большое влияние на соседние племена и быстро распространилась в этой части Африки. Известно, что соседние с ваи племена менде и баса, а также герзе (или кпелле) выработали свои системы письма. В 1943 г. во Французской Гвинее, на границе с Либерией, у племени тома (или лома) было обнаружено существование силлабического письма. Уже самый характер значков ясно показывает, что эта система возникла под влиянием ваи.²

III

Несравненно менее совершенной системой письма являются знаки *нсибиди*. Впервые о них узнал английский чиновник Максвелл в 1904 г. от одного из учеников миссионерской школы. Письмо *нсибиди* распространено среди четырехмиллионного народа ибо в южной Нигерии, главным образом в округе Калабар и в районе Крестовой Реки. Наиболее обстоятельные сведения о *нсибиди* даны в работах Мак-Грегора и Дейрелла.³ Судя по их сообщениям, письмо это являлось тайным, известно лишь немногим лицам и особенно остерегались знакомить с ним европейцев. Им пользовались

¹ A. Klinggenheben. The Vai Script. Africa, VI, № 2, 1933, стр. 158—171.

² J. Joffre et T. Monod. A new West African Alphabet used by the Toma, French Guinea and Liberia. Man, № 85, 1943.

³ J. K. McGregor. Some notes on Nsibidi. Journ. of the R. Anthropol. Inst., 1909, стр. 209—219. E. Dayrell. 1) Some Nsibidi Signs. Man, 1910, № 67; 2) Further notes on Nsibidi Signs, with their meanings from the Ikem District, Southern Nigeria. Journ. of the R. Anthropol. Inst., 1911, стр. 521 и сл.

для сообщений самого разнообразного характера. Знаки *нсибиди* рисовались на земле, на стенах домов, на деревьях. Таким способом предупреждали об опасности, указывая, например, что нельзя идти по данной улице и т. п. При помощи подобных значков записывали судебные решения, передавали поручения. В отличие от системы письменности ваи значки *нсибиди* не представляют собой, строго говоря, настоящей системы письменности. Во-первых, один и тот же значок может быть использован в разных значениях. С другой стороны, нередко одно и то же значение может быть передано разными знаками. В отличие от письма ваи число значков не ограничено и порядка в написании нет. Все это чрезвычайно затрудняет

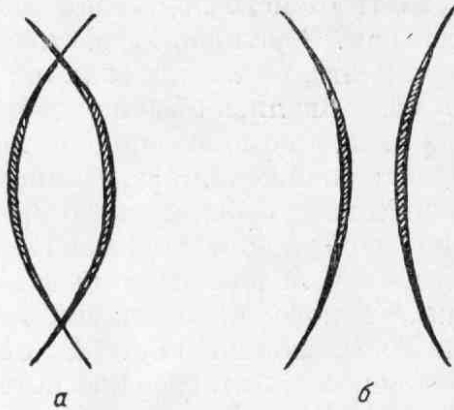

Рис. 8. Нсибиди. Значок *окорт*.
а — «я люблю»; б — «я не люблю».

Рис. 9. Значок-рисунок на калевасе.
(МАЭ, колл. № 1603—196).

чтение этого письма и делает его доступным только для посвященных. Письмо *нсибиди* распространено было также среди народов экои и ибибио.

Значки *нсибиди* пользовались особым распространением среди членов тайных союзов, в частности в союзе эгбо, и применялись для разного рода сообщений секретного характера. Английский этнограф Толбот рассказывает, что когда одного экои просили пояснить значки *нсибиди*, тот отказался, говоря: «Если я научу его *нсибиди*, то он узнает знаки эгбо и тайны животных».¹ Мак-Грегор записал легенду, которую рассказывали ему члены племени угуакима, одной из подгрупп ибо. По словам этой легенды, один из членов племени угуакима, оставшись ночью в лесу, зажег костер, чтобы согреться и предохранить себя от нападения животных. Ночью к костру подошли павианы *идьок*, уселись вокруг огня и стали чертить на земле значки, а так как значки были непонятны, то павианы начали разыгрывать пантомиму, объясняющую эти знаки. Так ибо объясняют происхождение названия этого письма — *нсибиди*, так как на языке ибо *сибиди* означает «играть».²

Этиологическая легенда эта представляет собой типичный образец попытки объяснить происхождение обычая при помощи созвучий, и она весьма распространена среди ибо.

Почти одновременно с Мак-Грегором, впервые опубликовавшим образцы значков *нсибиди*, в Камеруне, в районе Осидинге, такие же значки

¹ P. A. Talbot. In the Shadow of the Bush. London, 1912, стр. 305.

² P. A. Talbot. The Peoples of Southern Nigeria, vv. I—IV. London, 1926, стр. 932.

были обнаружены немецким колониальным чиновником Мансфельдом.¹ Мансфельд обратил внимание на изображения, которыми местное население украшает калebasы — посуду из тыкв. Некоторые калebasы покрыты орнаментом и значками весьма характерного вида. Эти значки по своему виду весьма сходны со значками *нсибиди*. Однако в то время как в Южной

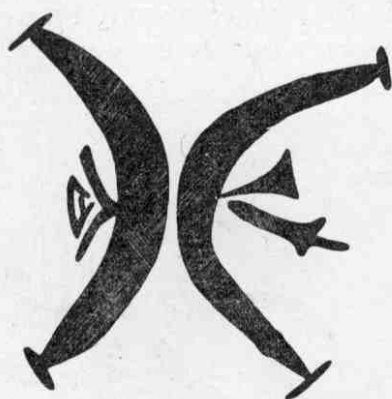

Рис. 10. Значок-рисунок на калebasе. (МАЭ, колл. № 1603-616).

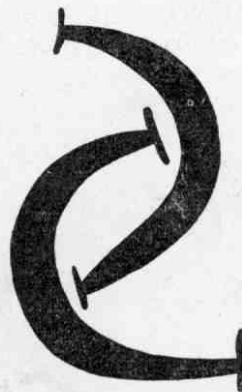

Рис. 11. Значок-рисунок на калebasе. (МАЭ, колл. № 1603-616).

Нигерии знание письма *нсибиди* было ограничено узким кругом членов тайного союза, в районе Осидинге эти значки не имели тайного характера. Когда Мансфельд просил истолковать их, то оказалось, что мужчины, дававшие ему объяснения, нередко оказывались в затруднении. Во всех трудных случаях приглашали старейших женщин села, так как украшения на калebasах всегда было делом рук женщин. Коллекции собранные Мансфельдом в 1911 г. почти целиком поступили в Музей антропологии и этнографии и хранятся в настоящее время в Отделе Африки. Внимательное рассмотрение значков *нсибиди* показывает, что в основе всех линейных рисунков лежат реалистические изображения. Так, например, значок, называемый *окорт* (рис. 8), на некоторых калebasах изображается менее условно, и мы ясно видим, что в основе этого значка лежит пиктографический рисунок — изображение мужчины и женщины. На рис. 9 мы видим изображение двух людей, повернувшихся спинами друг к другу. На рис. 10 изображение более условно, но зато тщательно отмечены признаки пола. На рис. 11 и 12 изображение еще более схематично, и уже ничто не свидетельствует о том, что в основе этих значков лежит изображение людей. Нередко на калebasах встречаются изображения реалистического характера, так, например, изображение человека с трубкой (рис. 13, а), ящерицы (рис. 13, б), обезьяны (рис. 13, в) и т. п. Совершенно условный характер имеют изображения на рис. 14, а, б, которые представляют собой типичные знаки *нсибиди*.

Рисунки на калebasах экой показывают, что значки *нсибиди*, так же как и значки ваи, являются упрощением пиктографических значков.

Обычай украшать калebasы различными рисунками распространен у многих народов побережья Верхней Гвинеи. Так, например, эве обычно

Рис. 12. Значок-рисунок на калebasе. (МАЭ, колл. № 1603-196).

¹ A. Mansfeld. Urwald-Dokumente. Vier Jahre unter den Crossflussnegern Kameruns. Berlin, 1908.

украшают свою домашнюю утварь — калебасы, покрывая их изображениями животных: хамелеона, крокодила, змеи, леопарда. Нередко таким образом на калебасах записывают пословицы — «слова стариков». От этих условных изображений лежит прямой путь к выработке письма, что мы видели на примере ваи. Не случайно в языке эве одно и то же слово обозначает «вырезать рисунки на калебасе» и «писать». Глагол *nlo*, имеющий в качестве объекта калебасу, означает «вырезать на калебасе рисунки

Рис. 13. Рисунки на калебасах.

а, б — МАЭ, колл. № 1603-47; в — МАЭ, колл. № 1603-456.

или значки». Так, например, говоря о широкой калебасе *акпаку*, которая используется в качестве блюда, или о глубокой калебасе *тре*, которая применяется для питья, можно сказать *nlo*, *акраки* или *nlo trê*, что соответственно означает «вырезать на калебасе акпаку (или тре), рисунки или значки», но тот же глагол означает «писать», имея своим объектом слово *leta* (от англ. letter), так, например, *nlo leta* означает «написать письмо».¹

Такое же условное письмо на калебасах распространено и в Дагомее; к сожалению, оно почти не изучено.

Повидимому, условные значки типа *нсибиди* были широко распространены на всем побережье Верхней Гвинеи, но они остались неизученными, так как изображения эти делались на весьма недолговечных материалах вроде дерева или тыкв.

¹ D. Westermann. Wörterbuch der Ewe-Sprache. Berlin, 1905, стр. 402 (в новом издании словаря, 1954 — стр. 560).

О широком распространении пиктографических значков у народов западного Судана можно судить по сообщению французского этнографа Захана, опубликовавшего несколько десятков пиктографических значков, применяемых колдунами догон и бамбара при гаданиях. Захан полагает,

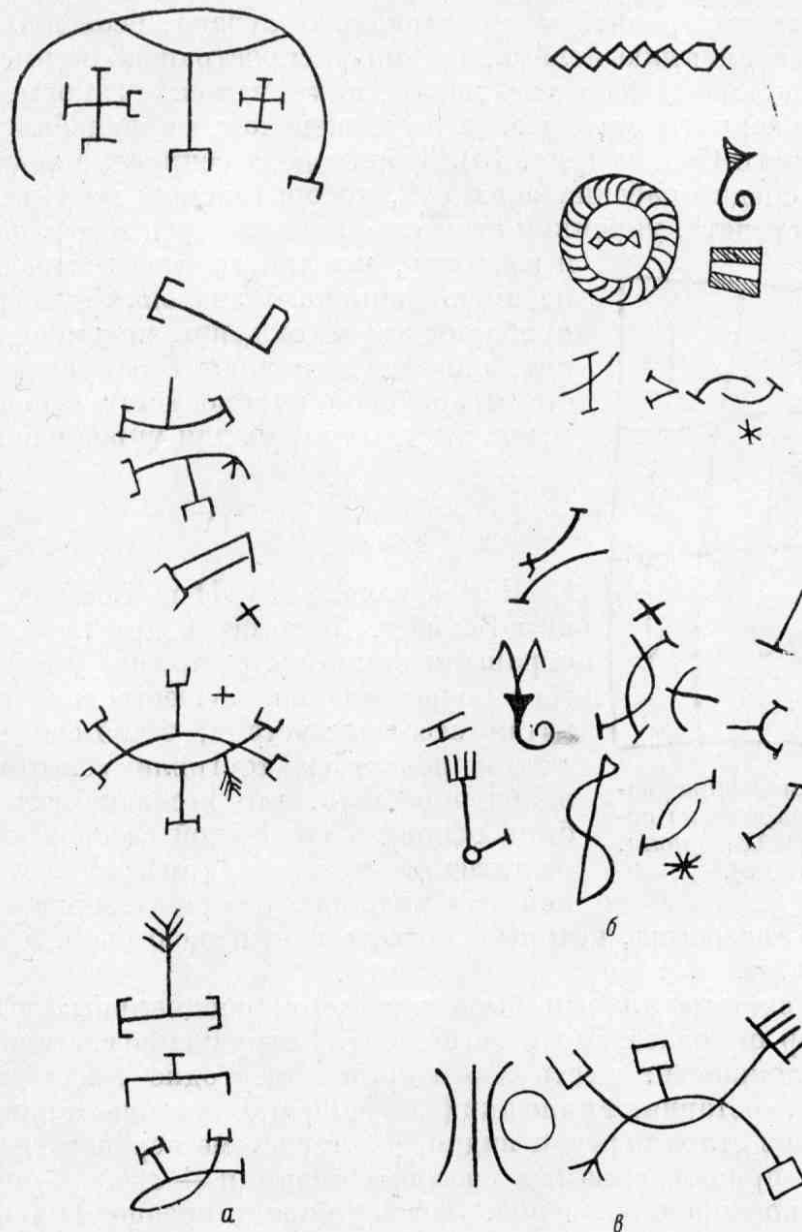

Рис. 14. Условные рисунки-знаки *нсибиди* на калемасах.

a — МАЭ, колл. № 1602-66; *б* — МАЭ, колл. № 1602-51в; *в* — МАЭ, колл. № 1602-52б.

что он обнаружил новый вид пиктографического письма. По его мнению, которое он подкрепляет ссылкой на заявления местных знахарей и колдунов, это пиктографическое письмо развилось из гадания. Он уверяет, что кузнец бамбара, изобразивший такие значки на калемасе, или колдун догон, записавший свое гадание, пользуются системой письма. По словам Захана, эти записи «могут быть прочтены так же легко, как страницы книги». Однако самый характер значков и возможность их толкования в «символическом значении» показывают, что эти значки не имеют ничего

общего с системой письма, тем более, что, по словам Захана, значок может иметь разные значения в разных районах в результате «местных вариантов религиозных и мифологических воззрений».¹ Несомненно значки догон и бамбара не представляют собой системы письма и гораздо несовершеннее *нсибиди*.

В районах внутренней части западного Судана, особенно в странах, подвергшихся влиянию ислама, весьма распространено применение букв арабского письма в качестве магических знаков.² Таковы, например, магические квадраты на поясах и на одежде хауса и фульбе и других народов западного Судана (рис. 15). Такого рода секретные значки распространены и среди арабских знахарей, которые используют их в качестве магических средств, укрепляя этим свое влияние среди населения. Нечего

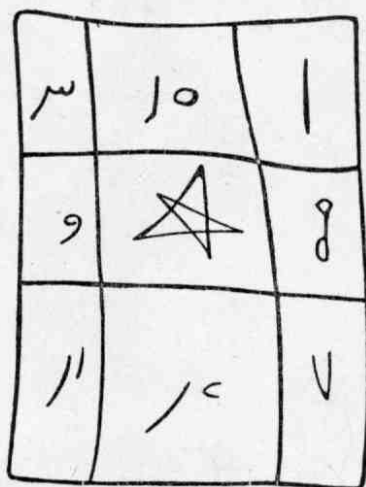

Рис. 15. Изображение магического квадрата на поясе Хауса. (МАЭ, колл. № 3136-8).

и говорить, что такого рода магические значки не имеют никакого значения для разрешения проблемы происхождения письменности, наоборот, они представляют собой вырождение системы арабской письменности и использование ее в корыстных целях для укрепления суеверий.

IV

Еще в начале XVIII в. Босман, а вслед за ним Бенжер, Делафосс и другие исследователи обращали внимание на то, что у народов Золотого Берега издавна существовала весьма развитая весовая система, тесно связанная с широким развитием торговли золотом. Исследования показали, что весовая система ашанти была основана на мелкой весовой единице, так называемой пуассаба (*puassaba*, *pesewa*), равной весу маленького черного зерна *Papilionaceae*

Rynhosia cyanosperma, который соответствует в свою очередь весу одного зерна пшеницы.

Весовая система ашанти была предметом специальных исследований и до сих пор окончательно не выяснена. Затруднение составляет ее чрезвычайная сложность: шесть зерен составляют одну таку; девять таку, или 54 зерна, составляют одно аки (*ackie*); 36 аки составляют один перегуан, и т. д. Уже из этого перечня видно, что в системе переплетено несколько принципов, причем одна из весовых единиц — *ackie*, — повидимому, имеет арабское происхождение. Это заставляет предположить, что в весовой системе ашанти отразилось влияние древней торговли золотом, которую в средние века вели арабские купцы Магриба со странами Судана. Название весовой единицы *ackie* у ашанти, повидимому, связано с названием золотой унции *wakie* (от арабского *ûqiya*), которое засвидетельствовано в Дженне еще в средние века.³ Изучение весовых систем, связанных с торговлей золотом, показало, что весовая система ашанти в основе своей имеет местное происхождение. Что же касается весовых си-

¹ D. Z a h a n. Pictographic Writing in the Western Sudan. Man, 1950, № 219.

² V. M o n t e i l. La Cryptographie chez les Maures. Notes sur quelques alphabets secrets du Hodh. Bull. de l'Inst. français d'Afrique Noire, t. XIII, № 4, 1951, стр. 1257—1264.

³ D. W e s t e r m a n n. Sprachbeziehungen und Sprachverwandtschaft in Afrika. Berlin, 1949. стр. 6—7.

стем мандингов и аньи, то они имеют связь с арабской системой весов.¹

Для записи весовых единиц существовали весьма сложные способы обозначений их на гирях. В то время как все условные обозначения на дереве и калебасах обычно бывали недолговечны и не сохранялись, изображения на металлических гирьках сохранились в большом числе и от разных эпох. Долгое время изображения не привлекали к себе внимания и их считали всего лишь орнаментом, весьма замысловатым и странным. Лишь недавно, в связи с исследованием весовых единиц, изображения на гирьках стали предметом специального изучения. В настоящее время можно считать, что значительная часть их поддается расшифровке (рис. 16), другие остаются еще необъясненными. Изучение этих гирек показало высоко развитую и сложную культуру народов Берега Слоновой Кости — аньи и Золотого Берега — ашанти. К сожалению, область применения

всех этих значков ограничена довольно узкой целью их назначения. Поэтому никаких заключений о зачатках письменности на основании их сделать нельзя. Однако уже самый факт существования весьма развитой системы весовых обозначений делает возможным предположение о существовании в государствах побережья Верхней Гвинеи зачатков письменности.

На первый взгляд кажется удивительным, как могло случиться, что племена лесной полосы Либерии — ваи, кпелле, тома, менде, баса — смогли создать свою систему письма и достигли уровня, соответствующего развитой древневавилонской силлабической письменности. С другой стороны, в лесных районах низовьев Нигера и по течению Крестовой Реки у народов ибио, ибибио и у племен экои, т. е. как раз в тех районах, где не было государственных образований, также имеются предпосылки письменности. Почему же нет никаких указаний на существование письменности в государствах Ашанти, Дагомее, в древнем Бенине — государствах, имевших правильную организацию и систему финансового управления?

Известно, например, что в государствах Йоруба и в Дагомее существовали системы подсчета населения: каждый домохозяин сдавал начальнику квартала мешочек с раковинами каури по числу подведомственных ему членов его домохозяйства. Начальник квартала представлял собранные им мешочки с каури градоначальнику. Начальник области собирал таким образом сведения от градоначальников, и, в конце концов, все поступало в столицу, где на основании подсчетов производилась разверстка налогов и различных поставок. Все это с необходимостью заставляет предположить существование особых знаков для обозначения названий городов, областей и т. п. Что касается цифровых обозначений, об их существовании мы узнаем по рисункам на гирьках. И все же до сих пор нет никаких данных о существовании письменности, и в то же время мы ви-

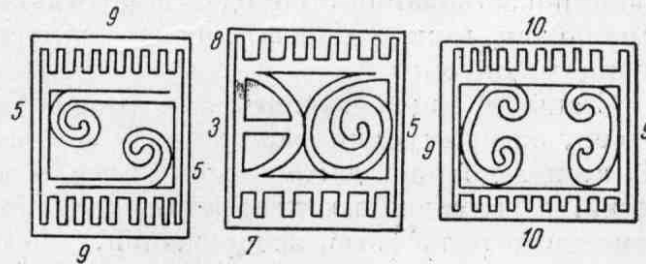

Рис. 16. Рисунки на гирях для взвешивания золота. (По Абелью, 1954, табл. III). Цифры указывают числовое значение рисунков на гирях.

¹ D. P a u l m e. Systèmes pondéraux et monétaires en Afrique Noire. Revue Scientifique, № 3208, mai 1942, стр. 219—226. — H. A b e l. 1) Les poids à peser l'or en Côte d'Ivoire. Bull. de l'Inst. français d'Afrique Noire, t. XVI, № 1—2, 1954, стр. 55—82; 2) Déchiffrement des poids à peser l'or en Côte d'Ivoire. Journ. de la Soc. des Africanistes, t. XXII, 1952; t. XXIV, 1954.

дим, что хранящиеся в музеях калейбасы, резные двери, слоновые бивни покрыты изображениями. Однако все эти изображения до сих пор толкуются лишь как украшения эстетического характера, задачей которых является стремление заполнить свободную поверхность и придать данному предмету красивый вид.

Известно, что в древнем государстве Бенина до разрушения его англичанами галереи старого дворца были сплошь покрыты литыми из бронзы досками. Было выяснено выше, что эти бронзовые доски (*ама*), хранящиеся теперь в музеях Европы, представляли некогда связное повествование об истории правителей Бенина. Самый характер изображений на этих досках показывает их светский характер. Напротив, изображения на резных бивнях связаны, повидимому, с заупокойными церемониями *угие*, и поэтому на них часто изображаются фигуры мифологического характера.¹ Изображения на бронзовых досках, как я уже указывал, представляют собой повествования о походах и завоеваниях царей Бенина. Что это было именно так, можно доказать путем аналогий с изображениями на царских дворцах Дагомеи.

Стены дворцов дагомейских царей были покрыты изображениями. Их изучил и опубликовал еще в 1926 г. французский этнограф Ватерло.² На стенах дворцов дагомейских царей Гезо и Глеле, на глиняной поверхности, в углубленных квадратах, на некотором расстоянии друг от друга помещены рельефные изображения, имеющие условный характер. Эти изображения связаны с походами царей Дагомеи против племен наго, живущих в глубине страны, из числа которых они набирали рабов. На рельефах мы видим боевые сцены: дагомейский воин, взвалив на плечо завернутого в цыновки спящего врага, несет его царю; дагомейский воин с топором в руках отсекает ногу у вооруженного луком бойца наго. Одна из царских жен водружает знамя над вражеской крепостью и т. п. Часто встречаются изображения царей, причем всегда в виде мощных животных: слона, льва, быка. Напротив, цари наго изображаются в виде обезьян. Особенно интересно изображение царя Глеле в виде сказочной птицы *алантан гбобо*, которая клювом своим поражает врага. Все эти изображения являются условными: то царь в виде льва или другого животного, то штандарты, символизирующие царей, причем некоторые из этих изображений стоят на грани между иероглифом и рисунком. Достаточно сравнить изображение царя Глеле, поражающего наго, с изображениями на палетках додинастического Египта, где мы видим фараона в виде быка, поражающего ливийца, или царя в виде сокола, льва или скорпиона, разрушающего города, чтобы убедиться в том, что рельефы дагомейских царей по характеру своему близки изображениям на палетках додинастической эпохи и на храмах и дворцах Древнего Египта.

Изображение дагомейского царя в образе могучей птицы *алантан гбобо*, «клюв которой столь крепок и велик, что ничто не может ему противостоять», по характеру своему вполне условно (рис. 17). Оно имеет тот же характер, что и изображение на «луврской палетке», где мы видим быка, поражающего человека (рис. 18, *а*). Нет сомнения в том, что на этой палетке додинастической эпохи изображен царь, поражающий врага. Судя по одежде поверженного врага, палетка повествует о победе египтян над ливийцами. Совершенно такой же характер имеют дагомейские рельефы, которые также условными рисунками передают содержание исторических событий. Достаточно взглянуть на рельефы дворца Глеле, чтобы убедиться,

¹ Ольд., II, стр. 302.

² E. G. Waterlot. Les Bas-Reliefs des Bâtiments royaux d'Abomey (Dahomey). Paris, 1926.

что один и тот же царь может быть изображен в виде различных животных: могучей птицы, льва, царь Гезо — в образе слона, коня, буйвола. Совершенно так же на так называемой «палетке городов» эпохи додинастического Египта, хранящейся в Каире, египетский царь изображен в виде сокола с мотыгой в лапах, разрушающего городскую стену. Он же изображен в виде льва с мотыгой, скорпиона, двух соколов и т. д. — все на одной и той же палетке (рис. 19). Однако на палетках Древнего Египта мы видим, что изображения городов заполнены иероглифическими надписями, и, таким образом, на палетках мы видим сочетание условного рисунка с настоящей иероглифической надписью. Этого нет на рельефах дагомейских дворцов. Правда, некоторые из них носят совершенно условный характер и могут быть понятны только при дополнительных пояснениях. Таков, например, рельеф, изображающий руки, воздетые с жертвой богам (рис. 20).

Ритуальный жест, форма горшка *голи* указывают на жертвоприношение предкам. Этот рисунок в точности соответствует египетскому иероглифу *hnk* — «приношение», *drp* — «жертва», где мы видим руку, держащую сосуд. Воздетые руки как обрядовый символ обычны в древнеегипетских иероглифах. Это хорошо известный иероглиф *к*.

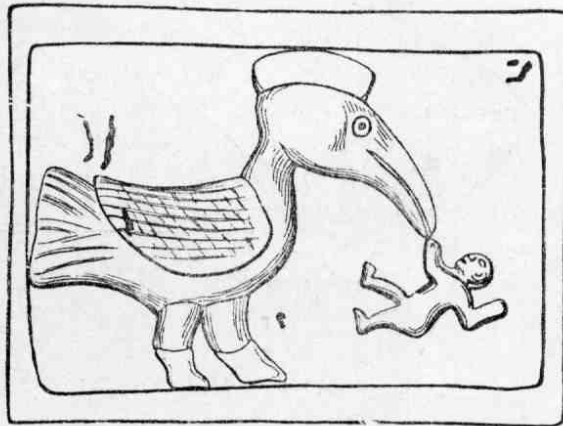

Рис. 17. Изображение царя в виде птицы. Рельеф дворца Глеле.

(По Ватерло, табл. XVII, А).

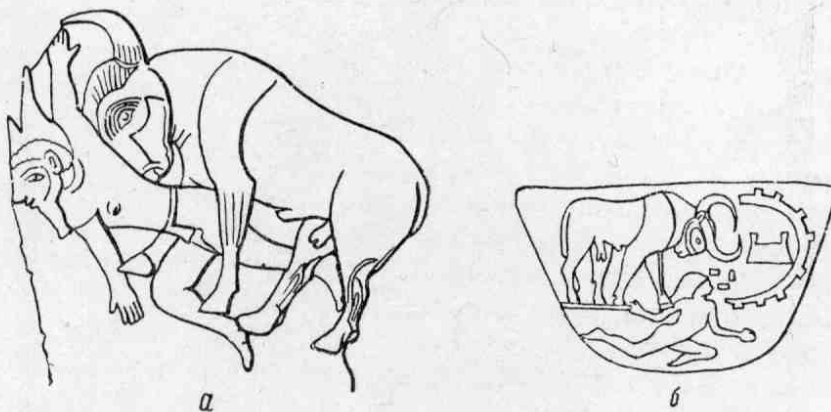

Рис. 18. Изображения царя в виде быка.

а — верхняя часть Луврской палетки; б — нижняя часть палетки Нармера.

Другим примером полуиероглифического характера могут служить изображения боевых штандартов. Такого рода боевые штандарты хорошо известны по древнеегипетским памятникам. На палетке Нармера такие штандарты изображены в торжественном шествии: четыре человека, идущие перед царем Нижнего Египта и его везиром, держат в руках высокие шесты с фигурами наверху (рис. 21). Каждый из штандартов, повидимому, символизирует определенную местность. На египетских памятниках они порой замещают изображения царя, так, например, на палетке Ашмолейского музея такие штандарты держат связанных вра-

гов (рис. 22). На рельефах дагомейских дворцов встречаются нередко совершенно такие же штандарты. Так, например, на одном рельефе Глеле изображен в виде маленькой рыбы *сосоглоэ*, надетой на палку (рис. 23).

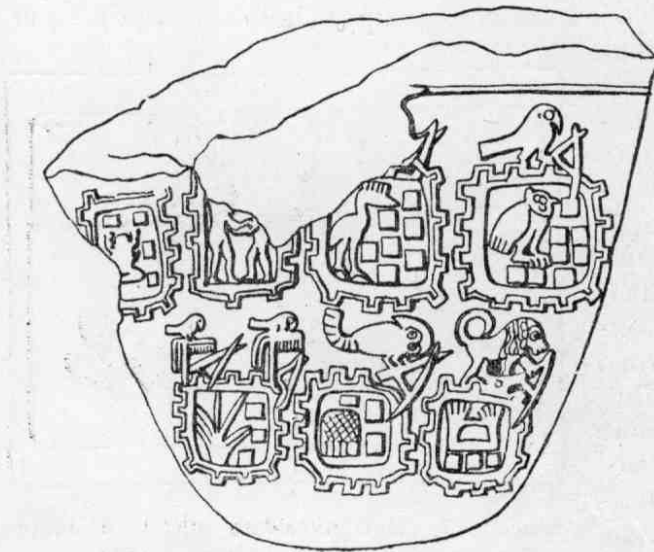

Рис. 19. «Палетка городов» в музее в Каире.

По объяснениям дагомейцев, рыба *сосоглоэ* изображает царя потому, что она имеет столь острую чешую, что ни одна рыба, ни одно животное, даже крокодилы, не рискуют напасть на нее.

Такого рода условные изображения царей очень распространены. Мы видим полнейшую аналогию между зачатками письменности в Древнем Египте и на побережье Верхней Гвинеи. Из этого не следует, что в данном случае сказывается влияние Древнего Египта на культуру народов западной Африки. Достаточно вспомнить, что додинастический период

Египта относится к IV тысячелетию до н. э., а расцвет культуры народов Верхней Гвинеи относится к XV—XVIII вв. н. э. Не может быть никакой речи ни о влиянии, ни о заимствовании. В обоих случаях постепенно,

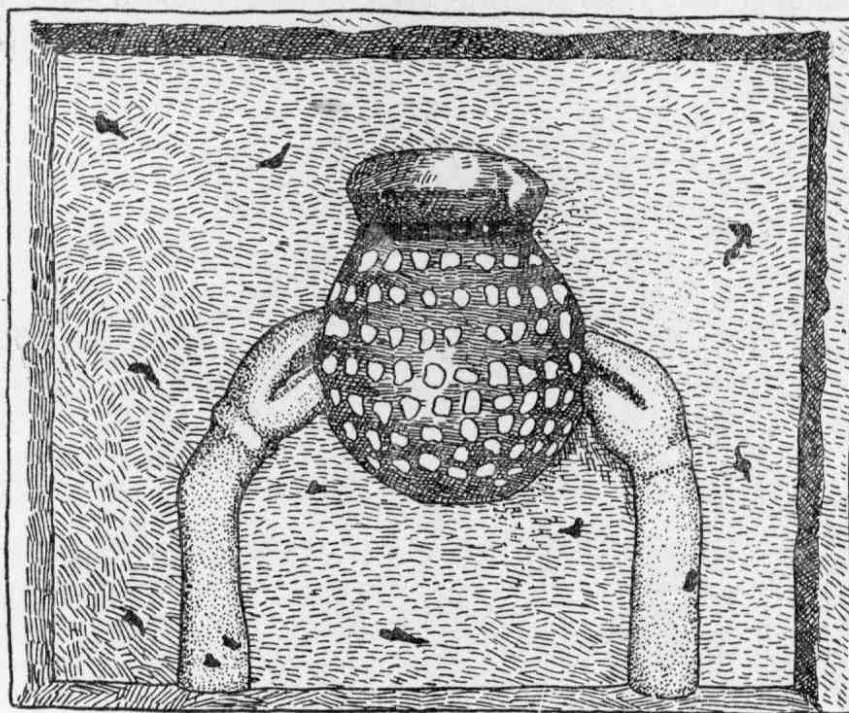

Рис. 20. Рельеф с изображением жертвы. (По Ватерло, табл. XVI, А).

независимо друг от друга складываются предпосылки для создания письменности. Сравнение памятников Древнего Египта додинастического периода с рельефами дагомейских царей показывает, что настоящих иероглифических надписей на стенах дагомейских дворцов не сохранилось.

Однако Дагомея имела настоящее иероглифическое письмо. Оно сохранилось на металлических церемониальных топорах царей Дагомеи. Такого рода топоры с ажурными рисунками представлены во многих этнографических музеях, но они обычно в музейных описях не имеют никаких объяснений.

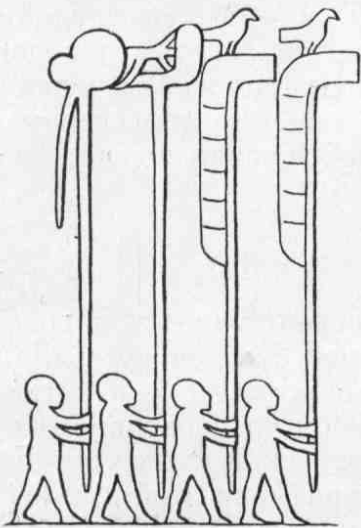

Рис. 21. Деталь палетки Нармера.

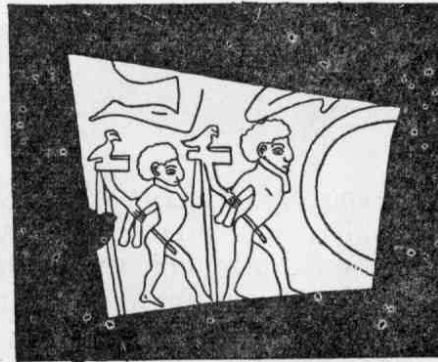

Рис. 22. Деталь палетки Ашмольского музея.

Благодаря французскому исследователю Дагомеи Ле-Эриссе мы располагаем некоторыми сведениями о значении изображений. Каждый из таких церемониальных топоров имел определенное значение. Так, например, лезвие церемониального топора царя Такодону, или Дакодону (1625—

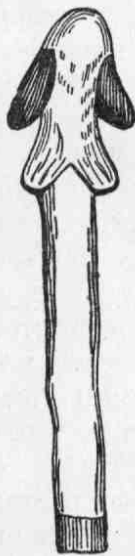

Рис. 23. Рельеф с изображением штандарта. (По Ватерло, табл. XVIII, B).

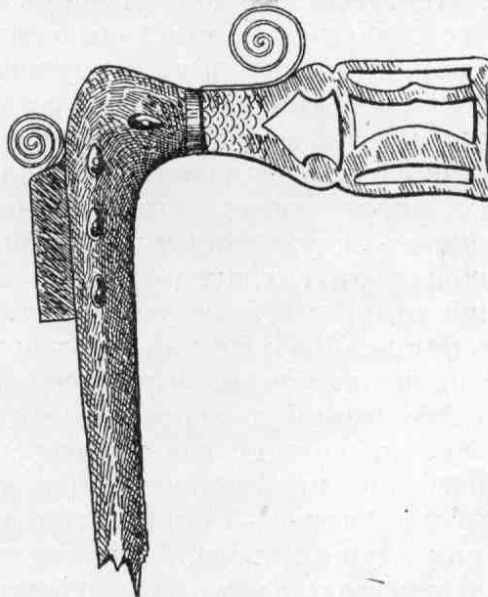

Рис. 24. Церемониальный топор с изображением имени царя Такодону. (По Ватерло, табл. XVIII, A).

1650), имеющее весьма причудливую форму (рис. 24), по словам Ле-Эриссе, «читается» следующим образом; изображенный наверху кремь — *da*, внизу изображение земли — *ko* и отверстие в земле — *douu*. Все вместе дает имя царя — Такодону. Ле-Эриссе получил от своих друзей дагомейцев в подарок топор с изображением своего имени. На этом топоре

было изображено дерево бавольник — *hup*, с листьями — *ama*, обвязанное веревкой — *kan*, с промежутками между ветками — *biyo*. Все в целом дает *n'takambio* — прозвище Ле-Эриссе, данное ему дагомейцами. Как объясняет сам Ле-Эриссе, прозвище это он получил потому, что он часто говорил это слово, означающее «неважно», «не беда», «не нужно». Эти примеры показывают, что дагомейцы имели почти настоящее иероглифическое письмо уже к XVII в., и если оно не сохранилось, то только лишь потому, что иероглифы эти изображались на весьма недолговечных материалах. Сохранившиеся же на металле изображения иероглифических надписей оставались непонятными.

V

Итак, в царствах Верхней Гвинеи существовали зачатки иероглифического письма. Это доказано в отношении Дагомеи. Как же обстояло дело в странах еще более высокой культуры, в государствах Йоруба? Известно, что культура Дагомеи является периферийной по отношению к Йоруба и сама испытывала на себе влияние древней йорубской культуры. Древний Бенин в свою очередь также находился на периферии этой древней культуры, но по сравнению с Дагомеей, расцвет культуры которой относится лишь к XVI—XVII вв., он гораздо старше. Возникает вопрос: есть ли какие-либо данные о существовании в Бенине письменности? К сожалению, культура Древнего Бенина мало изучена, а сокровища бенинских дворцов были разграблены английской карательной экспедицией и разошлись по музеям. Мы видели, что на некоторых из бронзовых предметов, на подставках бронзовых голов, например, имеются символические изображения. Некоторые из них были уже мной описаны. Такого рода изображения встречаются на так называемых алтарях, которые, к сожалению, до сих пор издавались весьма неудовлетворительно. Обычно в изданиях, посвященных бенинскому искусству, внимание исследователей сосредоточивалось на общей композиции сцены и деталям украшений на подиумах не придавалось значения. Между тем, возможно, что наборы символических фигур имеют определенное значение, и, быть может, с помощью их когда-нибудь станет возможным определить принадлежность бронзовых голов и других предметов, отождествив их с именами царей.

Наибольший интерес в этом отношении представляют безусловно резные слоновые бивни. Мы уже видели, что на бивнях с плетеными кольцами всегда изображаются знаки достоинства — мечи *эбере* и *ада*. Несомненный иероглифический характер имеет знак царской тамги. Однако все эти изображения не дают связного текста и говорить в отношении их о какой-либо системе письменности невозможно.

Другая группа бивней — бивни, сплошь покрытые резными изображениями, — как я уже показал, представляет собой нечто вроде записи торжественной церемонии *угиэ*. По всей вероятности, такие бивни ставились на алтарь умершего царя и традиционная церемония погребения соединялась с установлением бронзовой головы, изображающей умершего царя. С этой головой неразрывно был связан резной бивень, который укрепляли сверху и на нем изображался новый царь, сын предшествовавшего, *эдайкен*, т. е. «законный наследник». Весь характер изображений на бивнях очень напоминает традиционные рельефы и росписи на стенах древне-египетских храмов, посвященные коронации нового царя, празднику Хебсед и апофеозу нового царя. В обоих случаях с небольшими отклонениями в одной и той же последовательности повторяется ряд определенных церемоний или процессов. Так, на бивнях Бенина всегда вначале изображается

юноша, открывающий процессию, а в конце — пантеры, пожирающие людей. Возможно, таково было окончание церемоний, когда в жертву умершему царю преступников бросали на растерзание пантерам. Известно, что по обычаям Древнего Бенина все казни были приурочены ко дню поминовения усопшего царя.

В центре всей процессии находится всегда изображение царя, поддерживаемого *эдайкеном*, т. е. наследником, с одной стороны, и *эзомо*, т. е. верховным военачальником, с другой. Позади них всегда следуют женщины с погремушками в руках. Изображение этой сцены содержит элементы условности. Внимательное рассмотрение изображений на бивнях показывает, что иногда эти женщины изображаются во весь рост (рис. 25), но в некоторых случаях художник применил метод *pars pro toto*, т. е. изобразил лишь самую существенную деталь вместо изображения целой фигуры, дав лишь изображение руки с погремушкой (рис. 26; L, табл. Q, рис. 765; M, 751).¹ Лушан в своем исследовании правильно отметил, что изображение этих рук представляет замену целой фигуры женщины с погремушкой, и сравнивал ее с неполными изображениями европейцев на бронзовых досках. Эти неполные изображения, так называемые *busti*, он сравнивает с изображениями на древнегреческих вазах, где над основной сценой помещены неполные изображения дополнительных персонажей. Сопоставление это, по мнению Лушана, доказывает полное совпадение формы. Но так как греческий художник, расписывавший вазы, и бенинский скульптор, изготовлявший бронзовые изображения, отделены друг от друга двумя тысячелетиями, Лушан, отмечая идентичность художественного приема в обоих случаях, считает возможным видеть здесь пример конвергенции.

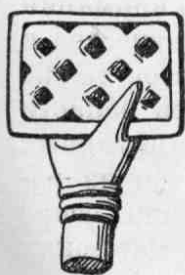

Рис. 26. Изображение руки с погремушкой.

«Но также возможно, — пишет он, — видеть здесь пережиток древней традиции, которая в раннеисторическое время проникла из Северной Африки в Судан».² Мне кажется, что эти изображения следует объяснить иначе. Художник изображает те детали, которые кажутся ему важными условно. Нередко на бивнях рядом с фигурами мы видим изображения больших бусин, масок в виде головы пантеры или крокодила и т. п. Изображение торжественной церемонии на резном бивне было не столько картиной, сколько записью определенного события, и поэтому в ней допускались условные обозначения. На палетках додинастического Египта мы видим такую же смесь рисунка и условных изображений, но на бенинских резных бивнях условные рисунки еще очень редки. Система иероглифов еще не выработалась, но предпосылки к ней уже складывались.

Рис. 25. Изображение женщины с погремушкой в руках.

¹ Ср. также: Read and Dalton. Antiquities from the city of Benin. London, 1899, table VII, 1.

² L, стр. 87.